КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. Фадеев

МЕТЕЛИЦА

Издательство „Детская литература"

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. ФАДЕЕВ

МЕТЕЛИЦА

Рассказ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Р2
Ф15

Рисунки В. ЛАДЯГИНА

Фадеев А. А.

Ф15 Метелица: Рассказ/Рис. В. Ладягина; Предисл. С. Преображенского.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1987.— 31 с., ил.— (Книга за книгой).

5 к.

Рассказ о разведчике Метелице; события происходит в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. (Отрывок из романа «Разгром».)

Ф $\frac{4803010102-285}{М101(03)87}$ 389—87 Р2

Однажды Александр Александрович Фадеев получил много детских писем — целую груду. Все они были от школьников города Чапаевска, Куйбышевской области.

Оказывается, ребята только что прочитали рассказ «Метелица» и не могли не поделиться своими впечатлениями с автором.

Бесстрашные герои гражданской войны вызвали у ребят восторженное отношение. Особенно Метелица. Метелица — бывший пастух. Он сильный, смелый, умный. К его советам прислушиваются опытные командиры. Партизаны отряда гордятся Метелицей и любят его.

Схваченный врагами, Метелица погибает. Его мужественная смерть служит примером боевого подвига во имя Родины.

К письмам ребята приложили свои рисунки, изображающие Метелицу, маленького пастушоика и, коиечно, боевого коня Метелицы.

Александр Александрович Фадеев ответил ребятам. Его письмо и сейчас хранится в чапаевской школе.

«Я очень троиут,— писал он.— Очень благодарен вам за внимание. Вы так красиво всё разрисовали. Я и не стою этого вашего труда. Но мне, как автору, было приятно, что вам понравился мой рассказ «Метелица». Это отрывок из большой повести «Разгром». С этой повестью вы, возможно, познакомитесь в своё время... Спасибо. Я постараюсь написать ещё кое-что...»

События, описанные в этом рассказе, происходили иа Дальнем Востоке вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции.

Четырнадцать империалистических государств вместе с российской контрреволюционной белогвардейщиной напа-

ли на молодую Советскую Республику. Они стремились уничтожить её любой ценой.

Весь народ встал тогда на защиту завоёванной свободы. Под руководством большевиков повсеместно создавались партизанские отряды и организованные части Красной Армии.

В эти трудные для страны дни стал коммунистом и партизаном семнадцатилетний Александр Фадеев — будущий советский писатель и общественный деятель.

Вместе со своими боевыми друзьями прошёл он «...тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка». Многие его друзья и товарищи погибли в те дни. Пролил и он свою кровь на родной дальневосточной земле, сражаясь за Родину.

Фадееву не было и двадцати лет, когда дальневосточные большевики избрали его делегатом на X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Тогда он впервые услышал великого Ленина. Отсюда, со съезда, вместе с другими делегатами А. Фадеев был послан на разгром контрреволюционного восстания в Кронштадте.

После окончания гражданской войны Александр Александрович Фадеев учился в Московской горной академии, вёл большую партийную работу в Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону.

В 1927 году вышел его роман «Разгром», который М. Горький считал одним из ярких произведений советской художественной литературы, давших «...широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны».

Книга принесла писателю мировую славу. «Разгром» переведён почти на все языки мира и издан в десятках миллионов экземпляров.

Незабываемая заслуга писателя А. Фадеева состоит в том, что этим произведением он одним из первых ввёл в нашу литературу новых людей, героев нового мира — рабочих и крестьян, партизан и коммунистов. А. Фадеевым создан ещё один большой роман о гражданской войне — «Последний из удэге́».

В 1947 году вышла книга А. Фадеева «Молодая гвардия». Это роман о героическом подвиге комсомола и молодёжи Краснодона в Великой Отечественной войне. Книга получила широкое признание народа и удостоена Государственной премии СССР.

А. А. Фадееву принадлежит много статей и выступлений по вопросам теории литературы и литературной критики.

После смерти М. Горького А. Фадеев много лет руководил Союзом советских писателей. За большие заслуги в развитии советской художественной литературы А. А. Фадеев был дважды награждён орденом Ленина.

А. А. Фадеев широко известен не только как писатель, но и как видный общественный деятель. На XVIII съезде Коммунистической партии А. Фадеев был избран членом Центрального Комитета партии и пробыл в его составе до последнего дня своей жизни (13 мая 1956 года). Неоднократно народ избирал его депутатом Верховного Совета Союза ССР.

А. А. Фадеев был активнейшим борцом за мир. Его выступления на международных конференциях и митингах в разных странах мира, его деятельность во Всемирном Совете Мира сыграли значительную роль в объединении сил зарубежной передовой интеллигенции под знаменем борьбы за мир во всём мире.

С. Преображенский

1

В сырую полночь в начале августа пришла в отряд Левинсона конная эстафета[1]. Прислал её старый Суховей-Ковтун — начальник штаба партизанских отрядов. Старый Суховей писал о нападении японцев на главные партизанские силы, о смертном бое под Извёсткой, о том, что сам он прячется в охотничьем зимовье, раненный девятью пулями...

Левинсон получил эстафету в половине первого

[1] Конная эстафета — сообщение, известие, которое привёз всадник.

ночи, а через полчаса конный взвод пастуха Метелицы разлетелся по дорогам, разнося тревожную весть.

Забравшись в глухие места, Левинсон почти потерял связь с другими отрядами. Таёжными тропами, где много лет уже не ступала человеческая нога, вёл он своих партизан.

Вся Улахинская долина была занята японцами и колчаковцами[1]. Неприятельская разведка шарила по всем направлениям и не раз натыкалась на дозорных Левинсона.

Ранним утром Левинсона отрезали от гор, но после двухчасового боя, потеряв до тридцати человек, он прорвался сквозь отряды противника. Колчаковская конница преследовала его по пятам.

— Дальше держаться в этом районе немыслимо,— сказал сумрачно Левинсон.— Единственный путь — на север.— Он расстегнул полевую сумку и вынул карту.— Вот... здесь можно пройти хребтами... Далеко, правда, но что ж поделаешь...

Левинсон решил заночевать в тайге. Он надеялся, прощупав путь разведкой, пробраться в долину Тудо-Ваки, богатую лошадьми и хлебом.

— В разведку Метелица поедет, ночевать здесь будем,— сказал Левинсон своему помощнику Бакланову и отдал распоряжение.

— Стой! — закричали впереди.

---

[1] Колчаковцы — части белогвардейской армии, которые возглавил адмирал царского флота Колчак, организовавший в 1918 году при поддержке иностранных империалистов выступление контрреволюционных войск на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В начале 1920 года эти войска были разгромлены Красной Армией.

Возглас передавался по цепи, и, в то время как передние уже стали, задние продолжали напирать.

— Метелицу! Метелицу зовут!.. — снова побежало по цепи.

Через несколько секунд, согнувшись по-ястребиному, примчался Метелица, и весь отряд с гордостью проводил глазами его цепкую пастушью посадку.

Отправляя Метелицу в разведку, Левинсон наказал ему вернуться этой же ночью. Метелица покинул отряд около четырёх часов пополудни и на совесть гнал своего жеребца. Уже совсем стемнело, когда он выбрался из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого, с провалившейся крышей омшаника[1].

Он привязал лошадь и, хватаясь за рыхлые, осыпающиеся под руками края сруба, взобрался на угол, рискуя провалиться в тёмную дыру. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах, стоял он минут десять, не шелохнувшись, зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь.

Метелица впрыгнул в седло и выехал на дорогу. Её чёрные, давно не езженные колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берёз тихо белели во тьме, как потушенные свечи.

Он поднялся на бугор: слева шла чёрная гряда сопок, изогнувшаяся, как хребет гигантского зверя; шумела река, верстах в двух, должно быть возле самой реки, горел костёр; дальше, пересекая

---

[1] Омшаник — утеплённое помещение для зимовки пчёл.

дорогу, тянулись жёлтые немигающие огни деревни.

Метелице стало холодно: он был в расстёгнутой солдатской фуфайке поверх гимнастёрки с оторванными пуговицами, с распахнутым воротом. Он решил ехать сначала к костру. На всякий случай вынул из кобуры револьвер и сунул за пояс, под фуфайку, а кобуру спрятал в сумку за седлом.

Он был уже совсем близко от костра,— вдруг конское тревожное ржанье раздалось во тьме. Жеребец рванулся и, вздрагивая могучим телом, прядая ушами, ответил на ржанье. В то же мгновение у огня качнулась тень. Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадью.

У костра, вытаращив испуганные глазёнки, держась одной рукой за кнут, а другую приподняв, точно защищаясь, стоял худенький черноголовый мальчишка. Он был в лаптях, в изорванных штанишках, в длинном, не по росту, пиджаке, обёрнутом вокруг тела и подпоясанном пенькой.

Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки, едва не задавив его. Он увидел перед собой испуганные глаза, штанишки с просвечивающими голыми коленками и убогий, с хозяйского плеча пиджак, из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея.

— Чего же ты стоишь? Напужался?.. Ах ты, воробей, воробей! Вот дурак-то тоже! — заговорил Метелица.— Стоит, и крышка! А ежели б задавил тебя?..

Мальчишка от испуга едва перевёл дух.

— А чего ж ты налетел, как бузуй?[1] — сказал он, всё ещё робея.— Напужаисси — тут у меня кони...

— Ко-они? — насмешливо протянул Метелица.— Скажите на милость! — Он упёрся в бока, откинулся назад, рассматривая парнишку, и вдруг засмеялся.

Парнишка смущённо, недоверчиво шмыгнул носом, но, поняв, что страшного ничего нет, а всё, наоборот, выходит ужасно весело, сморщился так, что нос его вздёрнулся кверху, и тоже — совсем по-детски — залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул ещё громче, и они оба хохотали так несколько минут: один — раскачиваясь в седле взад и вперёд, а другой — упав на траву, упёршись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

— Ну и насмешил, хозяин! — сказал наконец Метелица, выпрастывая ногу из стремени.— Чудак ты, право...— Он соскочил на землю и протянул руки к огню.

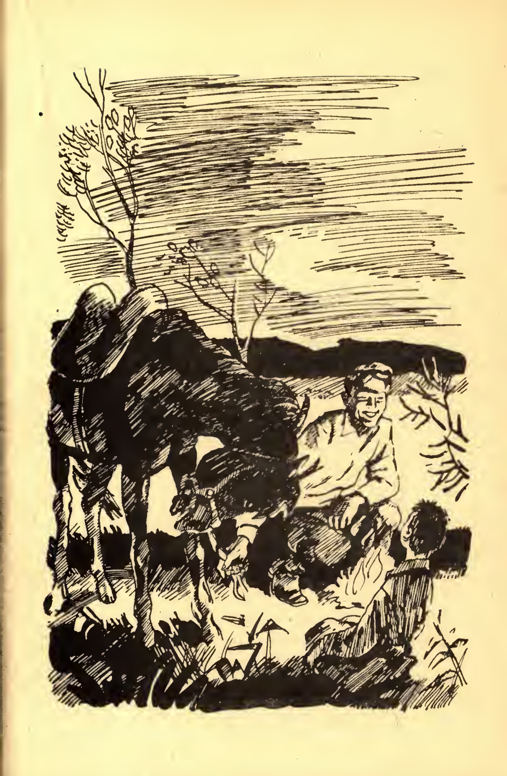
Парнишка, перестав смеяться, смотрел на него с серьёзным и радостным изумлением, как будто ждал от него ещё самых неожиданных чудачеств.

— И весёлый же ты, дьявол! — выговорил он наконец.

— Я-то? — усмехнулся Метелица.— Я, брат, весёлый...

— А я так напужался,— сознался парнишка.— Кони тут у меня. А я картошку пеку...

[1] Бузуй, или бузун,— драчун, забияка.

— Картошку? Это здóрово! — Метелица уселся рядом, не выпуская из рук уздечки.— Где же ты берёшь её, картошку?

— Вона, «где берёшь»... Да тут её гибель! — И парнишка повёл руками вокруг.

— Воруешь, значит?

— Ворую. Давай я подержу коня-то... Да я, брат, не упущу, не бойся... Хороший жеребец! — сказал парнишка, опытным взглядом окинув ладную, худую, с поднятым животом и мускулистую фигуру жеребца.— А ты откуль сам?

— Ничего жеребец,— согласился Метелица.— А ты откуда?

— А вон,— кивнул мальчишка в сторону огней.— Ханихеза — село наше... Сто двадцать дворов...

— Так... А я с Воробьёвки, за хребтом. Может, слыхал?

— С Воробьёвки? Не, не слыхал — далеко, видать...

— Далеко...

— А к нам зачем?

— Да как сказать... Это, брат, долго рассказывать... Коней думаю у вас купить; коней, говорят, у вас тут много... Я, брат, их люблю, коней-то,— хитро сказал Метелица,— сам всю жизнь пас, только чужих.

— А я, думаешь, своих? Хозяйские...

Парнишка выпростал из рукава худую, грязную ручонку и кнутовищем стал раскапывать золу, откуда заманчиво и ловко покатились чёрные картофелины.

— Может, ты хлеба хочешь? — спросил он.— У меня есть, только мало...

— Спасибо, я только что нажрался — вот,— сказал Метелица, показав по самую шею.

Парнишка разломил картофелину, подул на неё, сунул в рот половинку вместе с кожурой, повертел на языке и с аппетитом стал жевать. Прожевав, он посмотрел на Метелицу и сказал:

— Сирота я, полгода уж, как сирота. Тятьку у меня казаки вбили, и мамку вбили, и брата тоже...

— Казаки? — встрепенулся Метелица.

— А кто же? Вбили почём зря. И двор весь попалили, да не у нас одних, а дворов двенадцать, и каждый месяц наезжают, сейчас тоже человек сорок стоит. А волостное село за нами, Ракитное, так там цельный полк всё лето стоит. Ох, и лютуют!.. Бери картошку-то...

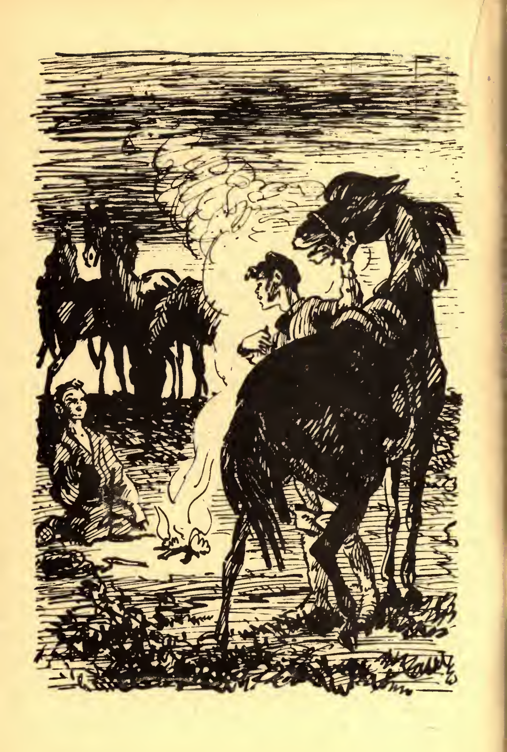
— Как же вы так — и не бежали?.. Вон лес у вас какой...— Метелица даже привстал.

— Что ж лес? Век в лесу не просидишь. Да и болото там — не вылезешь, такое бучило[1]...

— Знаешь что? — сказал Метелица, подымаясь.— Попаси-ка коня моего, а я в село схожу. У вас, я вижу, тут не то что купить, а и последнего отберут...

— Что ты скоро так? Сиди...— сказал пастушонок, сразу огорчившись, и тоже встал.— Одному скушно тут,— пояснил он жалостным голосом, глядя на Метелицу большими просящими и влажными глазами.

[1] Бучило — провал, яма, куда стекает вода.

— Нельзя, брат.— Метелица развёл руками.— Самое разведать, пока темно... Да я вернусь скоро, а жеребца спутаем... Где у них там самый главный стоит?

Парнишка объяснил, как найти дом попа, где стоит начальник эскадрона[1] и как лучше пройти задами.

— А собак у вас много?

— Собак хватает, да они не злые.

Метелица, спутав жеребца и попрощавшись, двинулся по тропинке вдоль реки. Парнишка с грустью смотрел ему вслед, пока он не исчез во тьме.

2

Через полчаса Метелица был под самым селом. Тропинка свернула вправо, но он продолжал идти по скошенному лугу, пока не наткнулся на мужицкие огороды.

Село уже спало; огни потухли; чуть видны были при свете звёзд тёплые соломенные крыши хатёнок.

Метелица, миновав два переулка, свернул в третий. Собаки провожали его неверным хриплым лаем, точно напуганные сами, но никто не вышел на улицу, не окликнул его.

Метелица прошёл ещё несколько переулков, кружа возле церкви, и наконец упёрся в крашеный забор поповского сада. Метелица пошарил глазами, прислушался и, не найдя ничего подозрительного, бесшумно и быстро перемахнул через забор.

---

[1] Эскадрон — подразделение кавалерийского полка.

Сад был густой и ветвистый, но листья уже опали. Метелица, почти не дыша, пробирался вглубь. Кусты вдруг оборвались, и налево от себя он увидел освещённое окно. Оно было открыто. Там сидели люди. Ровный, мягкий свет струился по опавшей листве, и яблони стояли в нём, как золотые...

Люди играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький старый попик в прилизанных волосиках; он ловко сновал по столу худыми маленькими ручками, неслышно перебирая карты игрушечными пальцами. Лицом к Метелице сидел красивый полный офицер с трубкой в зубах. Метелица принял его за начальника эскадрона. Слева сидел офицер в чёрной папахе и в бурке без погон, в которую кутался всякий раз после того, как сбрасывал карту.

Метелица, согнувшись и пятясь боком, полез от окна. Он только свернул в аллею, как вдруг лицом к лицу столкнулся с человеком в казачьей шинели, наброшенной на одно плечо; позади него виднелись ещё двое.

— Ты что тут делаешь? — удивлённо спросил этот человек, придержав шинель, чуть не упавшую, когда он наткнулся на Метелицу.

Метелица отпрыгнул в сторону и бросился в кусты.

— Стой! Держи его! Держи! Сюда!.. Эй!..— закричало несколько голосов.

Резкие, короткие выстрелы затрещали вслед.

Метелица, путаясь в кустах и потеряв фуражку, рвался наугад, но голоса стонали, выли уже где-

то впереди, и злобный собачий лай доносился с улицы.

— Вон он, держи! — крикнул кто-то, бросаясь к Метелице с вытянутой рукой.

Пуля визгнула у самого уха.

Метелица тоже выстрелил. Человек, бежавший на него, споткнулся и упал.

— Врёшь, не поймаешь...— торжественно сказал Метелица, до самой последней минуты действительно не веривший в то, что его могут скрутить.

Но кто-то большой и грузный навалился на него сзади и подмял под себя. Метелица попытался высвободить руку, но жестокий удар по голове оглушил его...

Потом его били подряд, и, даже потеряв сознание, он чувствовал на себе эти удары ещё и ещё...

3

В низине, где спал отряд Левинсона, было темновато и сыро, но из оранжевого прогала за Хаунихедзой глянуло солнце, и день медленно занялся над тайгой.

Дневальный, прикорнувший возле лошадей, заслышал во сне настойчивый звук, похожий на далёкую пулемётную дробь, испуганно вскочил, схватившись за винтовку. Но это стучал дятел на старой ольхе возле реки.

Дневальный выругался и, ёжась от холода, кутаясь в дырявую шинель, вышел на прогалину.

«А Метелицы нет всё... Нажрался, видать, и

дрыхнет где-то в избе, а тут не евши сиди!» — подумал дневальный.

Он не решился потревожить Левинсона и разбудил его помощника Бакланова.

— Что? Не приехал? — завозился Бакланов, тараща спросонья ничего не понимающие глаза.— Как не приехал? Нет, да ты, братец, оставь, не может этого быть... Ах да! Ну, буди Левинсона.— Он вскочил, быстрым движением перетянув ремень, собрав к переносью заспанные брови.

Левинсон, как ни крепко он спал, тотчас же открыл глаза и сел. Взглянув на дневального и Бакланова, он понял, что Метелица не приехал и что уже давно пора выступать. В ту же минуту он стоял на коленях и, свёртывая скатку, отвечал на тревожные расспросы Бакланова.

— Ну, и что ж такого? Я так и думал... Конечно, мы встретим его по дороге.

— А если не встретим?

— Если не встретим?.. Слушай, нет ли у тебя запасного шнурка на скатку?

— Вставай, вставай, кобылка! Даёшь деревню! — кричал дневальный, ногами расталкивая спящих.

Из травы подымались всклоченные партизанские головы.

Мысль о том, что Метелица мог попасть в руки врага, плохо прививалась людям. Каждый партизан старательно и боязливо гнал её от себя. Наоборот, предположение дневального, что взводный «нажрался и дрыхнет где-то в избе», хоть и не похоже это было на быстрого и исполнительного Метелицу, всё больше собирало сторонников. Мно-

гие открыто роптали на «подлость и несознание» Метелицы и надоедали Левинсону с требованием немедленно выступить ему навстречу. И когда Левинсон отдал наконец приказ выступать, в отряде наступило такое ликование, точно с этим приказом на самом деле кончались всякие беды и мытарства.

Они проехали час и другой, а взводный с лихим и смолистым чубом всё не показывался на тропе. Они проехали и ещё столько же, а Метелицы всё не было.

К таёжной опушке отряд подходил в суровом молчании.

4

Метелица очнулся в большом тёмном сарае. Он лежал на голой сырой земле. Он сразу вспомнил всё, что произошло с ним. Удары, нанесённые ему, ещё шумели в голове, волосы ссохлись в крови — он чувствовал эту запёкшуюся кровь на лбу и на щеках.

Первая мысль, которая пришла ему в голову, была мысль о том, нельзя ли уйти. Он обшарил весь сарай, ощупал все дырочки, попытался даже выломать дверь. Он натыкался всюду на холодное дерево, а щели были так малы, что они с трудом пропускали тусклый рассвет осеннего утра.

Метелица не успел ещё осмотреть сарай, как за дверями послышалась возня, заскрипел засов, и вместе с серым утренним светом вошли в сарай

два казака с оружием и в лампасах[1]. Метелица, расставив ноги, прищурившись, смотрел на них.

Заметив его, они в нерешительности помялись у дверей. Тот, что был позади, беспокойно зашмыгал носом.

— Пойдём, землячок,— сказал наконец передний.

Метелица, упрямо склонив голову, вышел наружу.

Через некоторое время стоял перед знакомым ему человеком — в чёрной папахе и в бурке — в той самой комнате, в которую засматривал ночью из поповского сада. Тут же, подтянувшись в кресле, удивлённо, нестрого поглядывая на Метелицу, сидел красивый полный офицер, которого Метелица принял вчера за начальника эскадрона. Теперь, рассмотрев обоих, он понял, что начальником был как раз не этот полный офицер, а другой — в бурке.

— Можете идти,— отрывисто сказал этот другой, взглянув на казаков, остановившихся у дверей.

Они, неловко подталкивая друг друга, выбрались из комнаты.

— Что ты делал вчера в саду? — быстро спросил начальник, остановившись перед Метелицей и глядя на него своим точным, немигающим взглядом.

Метелица молча, насмешливо уставился на него, выдерживая его взгляд, чуть пошевеливая

---

[1] **Лампас** — широкая цветная нашивка по наружному шву брюк.

атласными чёрными бровями и всем своим видом показывая, что он не скажет ничего.

— Ты брось эти глупости,— снова сказал начальник, нисколько не сердясь и не повышая голоса.

— Что же говорить зря? — снисходительно улыбнулся Метелица.

Начальник эскадрона несколько секунд изучал его застывшее рябое лицо, вымазанное засохшей кровью.

— Что ж ты — здешний или прибыл откуда?

— Брось, ваше благородие!..— решительно сказал Метелица, сжав кулаки и едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него.

— Ого! — в первый раз изумлённо и громко воскликнул человек в бурке.

Он вынул из кобуры револьвер и потряс им перед носом Метелицы. Метелица, отвернувшись к окну, застыл в молчании.

После того, сколько ни грозили ему револьвером, сколько ни упрашивали правдиво рассказать обо всём, обещая полную свободу, он не произнёс ни одного слова, даже ни разу не посмотрел на спрашивающих.

В самом разгаре допроса легонько приоткрылась дверь, и чья-то волосатая голова с большими испуганными и глупыми глазами просунулась в комнату.

— Ага,— сказал начальник эскадрона,— собрались уже? Скажи ребятам, чтобы взяли этого молодца.

Те же два казака пропустили Метелицу во двор и, указав ему на открытую калитку, пошли

вслед за ним. Метелица не оглядывался, но чувствовал, что оба офицера тоже идут позади.

Они вышли на церковную площадь. Там, возле бревенчатой избы, толпился народ, оцепленный конными казаками.

Метелица вскинул голову и оглядел эту колеблющуюся пёструю тихую толпу мужиков, мальчишек, напуганных баб в панёвах[1], девушек в цветных платочках, бойких верховых с чубами, таких раскрашенных, подтянутых и чистеньких, как на лубочной картинке[2]. Он прошёл сквозь толпу и остановился у избы. Офицеры, обогнав его, взошли на крыльцо.

— Сюда, сюда,— сказал начальник эскадрона, указав ему место рядом.

Метелица, разом перешагнув ступеньку, стал рядом с ним. Теперь он был хорошо виден всем — тугой и стройный, черноволосый, в мягких оленьих улах[3], в расстёгнутой рубахе, перетянутой шнурком с густыми зелёными кистями, выпущенными из-под фуфайки.

— Кто знает этого человека? — спросил начальник, обводя всех острым, сверлящим взглядом, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом лице.

И каждый, на ком останавливался этот взгляд, суетясь и мигая, опускал голову.

— Никто не знает? — переспросил началь-

[1] Панёва — домотканая шерстяная юбка.

[2] Лубо́чная картинка — картинка, печатавшаяся с лубка (лубок — липовая доска, на которой вырезывалась картинка для печатания).

[3] Улы́ — мягкие кожаные сапоги.

ник.— Это мы сейчас выясним... Нечитайло! — крикнул он, сделав движение рукой в ту сторону, где на кауром жеребце гарцевал высокий офицер в длинной казачьей шинели.

Толпа глухо заволновалась. Стоящие впереди обернулись назад. Кто-то в чёрной жилетке решительно проталкивался сквозь толпу, наклонив голову так, что видна была только его тёплая меховая шапка.

— Пропустите, пропустите! — говорил он скороговоркой, расчищая дорогу одной рукой, а другой ведя кого-то вслед.

Наконец он пробрался к самому крыльцу, и все увидели, что ведёт он худенького черноголового парнишку в длинном пиджаке, боязливо упиравшегося и таращившего чёрные глаза то на Метелицу, то на начальника эскадрона. Толпа заволновалась, громче послышались вздохи и сдержанный бабий говорок. Метелица посмотрел вниз и вдруг признал в черноголовом парнишке того самого пастушонка, которому он оставил вчера свою лошадь.

Мужик, державший его за руку, снял шапку и, поклонившись начальнику, начал было:

— Вот тут пастушок у меня...

Но, видимо испугавшись, что не послушают его, он наклонился к парнишке и, указав пальцем на Метелицу, спросил:

— Этот, что ли?

В течение нескольких секунд пастушонок и Метелица смотрели прямо в глаза друг другу. Потом парнишка перевёл взгляд на начальника эскадрона, потом на мужика, державшего его за руку,

вздохнул глубоко и отрицательно покачал головой.

Толпа, притихшая настолько, что слышно было, как возится телёнок в клети у церковного старосты, чуть колыхнулась и снова замерла.

— Да ты не бойся, дурачок, не бойся,— с ласковой дрожью убеждал мужик, быстро тыча пальцем в Метелицу.— Кто же тогда, как не он?.. Да ты признай, признай... А-а, гад!..— со злобой оборвал он вдруг и изо всей силы дёрнул парнишку за руку.— Да он, ваше благородие, кому же другому быть? Только боится парень, а кому ж другому, когда в седле конь-то и кобура в сумке... Наехал вечор на огонёк. «Попаси, говорит, коня моего». а сам в деревню. А парнишка-то не дождал — светло уж стало, не дождал, да и пригнал коня, а конь в седле, и кобура в сумке. Кому же другому быть?

— Кто наехал? Какая кобура? — спросил начальник.

Мужик ещё растерянней засучил шапкой и вновь, сбиваясь и путаясь, рассказал о том, как его пастух пригнал утром чужого коня в седле и с револьверной кобурой в сумке.

— Вот оно что,— протянул начальник эскадрона.— Так ведь он не признаёт? — сказал он, кивнув на парнишку.— Впрочем, давай его сюда — мы его допросим по-своему.

Парнишка, подталкиваемый сзади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, взойти на него.

Офицер сбежал по ступенькам, схватил его за худые вздрагивающие плечи и, притянув к себе,

уставился в его круглые от ужаса глаза своими — пронзительными и страшными.

— А-а... а! — вдруг завопил парнишка, закатив белки.

— Да что ж это будет? — вздохнула, не выдержав, какая-то из баб.

В то же мгновение чьё-то стремительное и гибкое тело взметнулось с крыльца.

Толпа шарахнулась, всплеснув многоруким туловом,— начальник эскадрона упал, сбитый сильным толчком...

— Стреляйте в него!.. Да что же это такое? — закричал красивый офицер, беспомощно выставив ладонь, забыв, как видно, что он сам умеет стрелять.

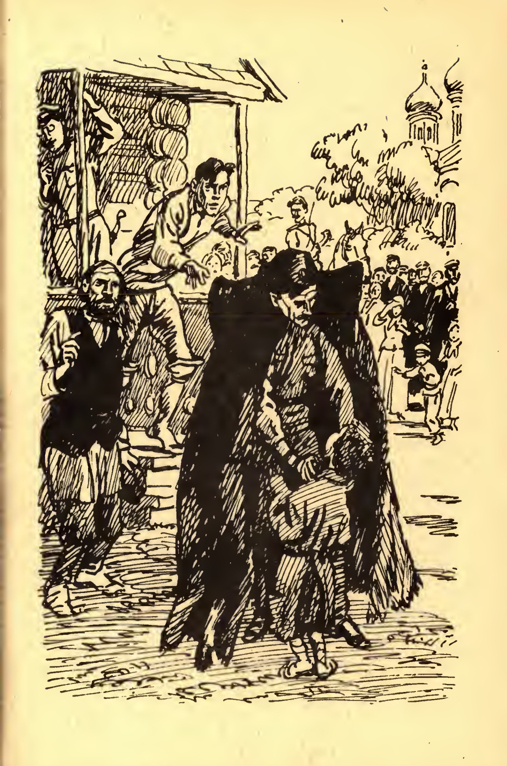
Несколько верховых ринулись в толпу, конями раскидывая людей.

Метелица, навалившись на врага всем телом, старался схватить его за горло, но тот извивался, раскинув бурку, похожую на чёрные крылья, и судорожно цепляясь рукой за пояс, стараясь вытащить револьвер. Наконец ему удалось отстегнуть кобуру, и в то же мгновение, как Метелица схватил его за горло, он выстрелил в него несколько раз подряд.

Когда подоспевшие казаки тащили Метелицу за ноги, он ещё цеплялся за траву, стараясь поднять голову, но она бессильно падала и волочилась по земле.

— Нечитайло! — кричал красивый офицер.— Собрать эскадрон!.. Вы тоже поедете? — спросил он начальника.— Лошадь командиру!

Через полчаса казачий эскадрон в полном

боевом снаряжении выехал из села и помчался кверху, по той дороге, по которой прошлой ночью ехал Метелица.

5

Бакланов, вместе со всеми испытывавший сильное беспокойство, наконец не выдержал.

— Слушай, дай я вперёд проеду,— сказал он Левинсону.— Ведь чёрт его знает, на самом деле!

Он пришпорил коня и скорее даже, чем ожидал, выехал на опушку, к заросшему омшанику. Ему не понадобилось, однако, влезать на крышу: не дальше как в полуверсте спускалось с бугра человек пятьдесят конных.

Бакланов задержался, спрятавшись в кусты, желая проверить, не покажутся ли из-за бугра новые отряды.

Никто не появился больше; эскадрон ехал шагом, расстроив ряды; судя по сбитой посадке людей и по тому, как мотали головами разыгравшиеся лошади, эскадрон только что шёл на рысях.

Бакланов повернул обратно и чуть не налетел на Левинсона, выезжавшего на опушку. Он сделал знак остановиться.

— Много? — спросил Левинсон, выслушав его.

— Человек пятьдесят.

— Пехота?

— Нет, конные...

— Кубрак, Дубов, спешиться! — тихо скомандовал Левинсон.— Кубрак — на правый фланг. Дубов — на левый...

Передав Бакланову командование взводом Метелицы и приказав ему остаться здесь, он спешился сам и пошёл впереди цепи, чуть ковыляя и размахивая маузером. Не выходя из кустов, он положил цепь, а сам в сопровождении одного партизана пробрался к омшанику.

Эскадрон был совсем близко.

По жёлтым околышам и лампасам Левинсон узнал, что это были казаки. Он разглядел и командира в чёрной бурке.

— Скажи, пусть сюда ползут,— шепнул он партизану,— только пусть не встают, а то... Ну, чего смотришь? Живо!..— И он подтолкнул его, нахмурив брови.

Эскадрон был уже так близко, что слышен был конский топот и сдержанный говор всадников; можно было различить даже отдельные лица. Левинсон видел их выражения, особенно у одного, красивого и полного офицера, только что выехавшего вперёд с трубкой в зубах и очень плохо державшегося в седле.

— Взво-оод!..— закричал Левинсон вдруг тонким, протяжным голосом.— Пли!..

Красивый офицер, услыхав первые звуки его голоса, удивлённо поднял голову.

Но в ту же секунду фуражка слетела с его головы, и лицо его приняло невероятно испуганное и беспомощное выражение.

— Пли!..— снова крикнул Левинсон и выстрелил сам, стараясь попасть в красивого офицера.

Эскадрон смешался; многие, в том числе и красивый офицер, попáдали на землю. В течение нескольких секунд растерявшиеся люди и лошади,

вздымавшиеся на дыбы, бились на одном месте, крича что-то, неслышное из-за выстрелов. Потом из этой сумятицы вырвался отдельный всадник, в чёрной папахе и в бурке, и заплясал перед эскадроном, сдерживая лошадь, размахивая шашкой. Остальные, как видно, плохо повиновались ему — некоторые уже мчались прочь, нахлёстывая лошадей; весь эскадрон ринулся за ними.

Партизаны повскакали с мест, наиболее азартные побежали вдогонку, стреляя на ходу.

— Лошадей! — кричал Левинсон.— Бакланов, сюда! По коням!..

Бакланов пронёсся мимо, откинув понизу руку с шашкой, блестевшей, как слюда; за ним с лязгом и гиком мчался взвод Метелицы...

Когда бой был кончен и казачий эскадрон, теряя людей и коней, скрылся в берёзовой роще, партизаны отыскали своего разведчика. Казаки кинули его в переулке за большой избой, под изгородью. Метелица лежал на боку, и волосы его перепутались с осенней блёклой травой.

Первым прискакал в село взвод Метелицы. Люди спешились, плотно обступили тело своего командира, а Бакланов, став на колени, бережно приподнял с земли черноволосую голову взводного.

— Ну, что? — спросил подъехавший Левинсон.

— Не дышит...— тихо ответил Бакланов, не подымаясь с земли.

В это время в толпе партизан показался пастушонок. Он пробирался сквозь ряды, ведя за собой коня Метелицы.

Люди расступились, пропустили их вперёд.

— Вот он, конь-то его,— сказал мальчишка.— Покарауль, говорит... А сам не пришёл больше... Ваш конь, берите...

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Александрович Фадеев

МЕТЕЛИЦА

Рассказ

ИБ № 9500

Ответственный редактор *М. С. Ефимова.* Художественный редактор *В. А. Горячева.* Технический редактор *И. С. Широкова.* Корректор *Е. В. Куликова.* Сдано в набор 12.12.86. Подписано к печати 25.03.87. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 2. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,21. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 1366. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1987 году вышли и выходят следующие книги советских писателей:

Воскресенская З. КРАСНЫЙ БАНТ.

Рассказы о детях, которые помогали взрослым в борьбе за свободу в годы первой русской революции.

Коршунов М. ДОМ В ЧЕРЁМУШКАХ.

Лирическая повесть о том, как родилась дружба между маленьким мальчиком и взрослым человеком.

Кузьмин Л. ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА.

Рассказы о жизни сельских ребят в наши дни.

Романовский С. ПЕВУЧАЯ ГОРА.

Рассказы о деревенских ребятах, наших современниках.